

УДК 821.351.19; 398

DOI: 10/31029/vestiyali23/9

КОНЦЕПТ «БОГ» В ЧАМАЛИНСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ И ПРОКЛЯТИЯХ)

З. М. Алиева

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН;
Северо-Кавказский институт (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Благопожелания и проклятия – наименее изученный жанр устного творчества народов Кавказа. В статье рассматриваются паремиологические единицы чамалинцев, связанные с образом Бога, которым уделяется особое внимание, как ключевому элементу чамалинских благопожеланий и проклятий. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Бог в жизни народа, выполняя различные функции, выступает как высшая «судебная» субстанция.

Ключевые слова: чамалинский язык, благопожелания, проклятия, устное народное творчество, высшая субстанция.

Good wishes and curses are the least studied genre of oral creativity of the peoples of the Caucasus. The article examines the paremiological units of the Chamalins associated with the image of God, which is given special attention as a key element of the Chamalin good wishes and curses. The analysis allows us to conclude that God in the life of the people, performing various functions, acts as the highest «judicial» substance.

Key words: the Chamali language, good wishes, curses, folklore, the highest substance.

Проклятия и благопожелания – довольно распространенные жанры устного народного творчества любого народа. Однако, как пишут ученые [3; 8; 2 и др.] эти жанры практически не изучены. Встречаются некоторые работы, посвященные исследованию религиозных и гендерных аспектов благопожеланий и проклятий [1; 7; 8; 9].

В этих жанрах отражаются наиболее существенные элементы ценностной картины мира народа: нормы поведения, нравственность и безнравственность, общественные и личные взаимоотношения, религия и этнопсихологические особенности, представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, чести и бесчестии и т. д.

В национальной картине мира, представленной в благопожеланиях и проклятиях, ведущую роль, как правило, занимает Бог (или божества) – высшая субстанция, которая определяет духовную жизнь народа и регламентирует ее посредством пожеланий либо формульных выражений с теонимами *Аллагъ (Йа Аллагъ), Йа Рабби*, возникших после принятия ислама. Имена же языческих божеств в более ранних проклятиях в последующем были вытеснены мусульманскими теонимами: *Йа Аллагъ, Йа Рабби, ильгъа манадала микъла битИльги, мурадла тЛобад, сагъ-саламат эгъи бацИабикъа!* – «О Аллах, о Рабби, куда бы ни пошли, чтобы вернулись целыми, здоровыми и невредимыми!», *Йа Аллагъ! Ильгъа манāдала цИнагуда!* – «О Аллах! Куда бы ни попали, спаси и сохрани!», *Йа Рабби! Йахе^л хвā бигъа игъагуда!* – «О Рабби! Облегчи родовые схватки!» и т. д.

Образ Бога в чамалинских благопожеланиях и проклятиях выполняет различные функции и имеет сложную структуру. По мнению Ш. Мазанаева и М. Гасановой, в табасаранской паремиологической картине мира символически значимыми компонентами концепта «бог» являются: 1) власть, могущество; 2) творец, создатель, сотворитель мира; 3) судья; 4) хранитель, благословитель [7, с. 47]. Это суждение можно отнести к концепту «бог» в по-

словицах, поговорках, благопожеланиях и проклятиях всех дагестанских языков, в том числе и чамалинском.

Богу, как правило, в сознании народа приписываются функции кары, воздаяния, прощения. Карающая функция реализуется в проклятиях, в которых преимущественно содержатся призывы или мольбы к Всевышнему наказать адресата. Эту кару можно назвать абстрактно, обобщенно – «покарай» («*баркѣшвлъи диъала*», или «накажи» («*джаза игъа*»), но может быть обозначена и более конкретно, с указанием формы ее осуществления:

а) через исчезновение рода (семени) – *Гьѹ^и йекъукъбекъа!* «Чтобы семья высохло!» (в смысле: чтобы не было наследников), *А^изла^и пийа^илКлада лъал битабекъа!* «Чтоб след пропал, словно зимой у пчелы (в смысле: исчез)!»;

б) через разрушение очага (дома) – *Имуб эгъи а^из дебекъа!* «Чтобы в дом отца выпал снег (в смысле: чтобы дом опустел)!», *Ду имуб гъа^икъв цагъидда!* «Чтобы дом твоего отца сгорел», *Чу^итидв вехванна!* «Чтобы в доме было пусто!», *Имуб эгъи бугъ къи^илъидда* «Чтобы в твоём отцовском доме филин плодился (в смысле: чтобы вымерла вся родня)», *Йа Аллагъ! Дуге ахвабахъ члоред къишвабе игъидда!* «О Аллах! Пусть в развалинах твоего дома птицы гнезда вьют!»;

в) через накликанье бед и несчастий – *Капурда вичлада!* «Чтобы сдох!», *Наглана бисанна!* «Пропади пропадом!», *Дуб талехла къедбекъа, мильла бигъидбекъа, мильхъасса^и балагъ биъа гъасла вукбекъа* «Чтобы счастье от тебя отвернулось, и каждый день был неудачным, чтобы ежедневно к тебе беда приходила, и силы твои чтоб иссякли», *Беганна наглана бисанна!* «Пропади пропадом сто тысяч раз!», *Дуб гурми къокълидда!* «Да укоротится жизнь твоя!», *Йа Аллагъ! Булидасс басинабссуци, басна мисли бешушабекъа!* «О Аллах! У того, кто повествует о несбыточном, пусть язык отнимется!» и т. д.

В приведенных примерах мольба о наказании обращена к Богу – непосредственному вершителю судеб.

Часто встречаются и синтаксические конструкции, в которых Бог перестает быть субъектом: теоним в форме обращения прибавляется к тексту проклятия или благопожелания, что свидетельствует об особой модели коммуникации, «когда божественная субстанция является незримым участником коммуникации...» [4, с. 111]. Например: *Йа Аллагъ, гъа^и/йеци иклада бехху^ихъалакъа!* – «О Аллах, не дай бог остаться без хлеба!»; *Йа Аллагъ, сагъаб наслу бугъи биххала!* – «О Аллах, обрадуй, дав здоровое наследство!»; *Йа Аллагъ, йагъардалла у^иссклбл йекъидалла диъабекъа!* – «О Аллах, сколько земли тронута (во время обработки), столько урожая пусть будет!»; *Йа Аллагъ, даме йегъульбекъа!* – «О Аллах, пусть приумножатся овцы!» и т. д.

Подобные проклятия и пожелания, в которых объектом-адресатом являются конкретные люди, но в которых дано прямое обращение к Богу, встречаются в народном творчестве и других народов, например: у русских – «Дай, Боже, вам всего доброго» [4, с. 112]; у аварцев – «*Я, Аллагъ, баракатгун рахлматгун ятаги къватлие яхъуней*» («О, Аллах, чтобы с благодатью покидала этот дом») [5, с. 31]; у даргинцев – «*Я, Аллагъ, хлушала цликрумани разити, шадти, гержкати глямру дерклаб*» («О, Аллах, пусть ваши молодожены проживут радостную, счастливую и долгую жизнь») [10]; у агульцев – «*Йа Аллагъ, вун чиркъурай*» («О Аллах, чтоб ты треснул!») [6, с. 240]; у табасаранцев – «*Йа Аллагъ, Йа Рабби, бахтлу иширивча, юаяр шубар!*» («О Аллах, О Рабби, будьте счастливы, ребята!») [8, с. 22] и т. д.

Как показывает собранный нами материал, в чамалинском языке проклятия используются достаточно широко. И причины этого явления кроются в социальной несправедливости, злоупотреблении властью имущими своим положением.

Благопожелания, в отличие от проклятий, в чамалинском языке встречаются чаще и используются в самых разных жизненных ситуациях. Бог в них выполняет следующие функции:

а) воздаяния за добрые дела и принятия их: *Аллагъассви хлержла къабул игъакъа!* «Пусть Всевышний примет совершенный хадж!», *Аллагъассви зийарат къабул игъакъа!* –

«Да примет Аллах паломничество!» (в смысле: примет как богоугодное дело), *Аллагъассви бухъудда къолмала къабул игъакъа!* – «Да примет Аллах жертвоприношение!», *Гошаб балагъичI ссї^а бисIсIалакъа Аллагъассви!* – «Пусть станет преградой перед большой бедой! (Пусть будет спасением от большой беды!)» и др.;

б) дарения благ, милостей, изобилия, хорошей судьбы: *Аллагъассви идалла бла бетIергъамедвля гIурми гудакъа!* – «Пусть Аллах даст долгих лет хозяевам, чтобы вдоволь питаться (со своих полей)»; *Йегънакъанб рахIмат гудакъа, у^асулIанб барка билъакъа!* – «Да будет милосердие от Всевышнего (с небес), а благополучие – от земли!»; *Аллагъассви барка билъбекъа* – «Пусть Аллах даст достаток»; *Аллагъ разильбекъа!* – «Пусть будет доволен Аллах!»; *Аллагъассви къадар гъбб хъвадакъа!* – «Пусть Аллах напишет хорошо судьбу!»; *Аллагъ разийаб гIамал гудакъа!* – «Да будет поведение, которым Аллах будет доволен!»; *БетIергъанассви эгъи баркат даимгъакъа!* – «Пусть Всевышний продлит благополучие дома!» и т. д.;

в) охранительную, защитную: *Аллагъассви бальгояб-тIабигIияб балагъчIо цIинакъа!* – «Пусть Аллах убережет от неожиданной-негаданной беды!»; *Йагъдуб хIилла-макурчIо цIинакъа Аллагъассви!* – «Да сохранит Аллах от женского коварства»; *ДунийаллI балагъубачIбIа ахиратиллI гIазабачIбIа цIинакъа БетIергъанассви!* – «Да упасет Всевышний от земных страданий и загробных мук!»; *Аллагъассви гъбб игъла эшуб бетла тавникъ гудакъа!* – «Пусть Аллах даст силы, чтобы доброе (хорошее) делать и плохое оставить!»; *Я Рабби мекъо гъадам данн вукъхъалакъа!* – «Не дай бог иметь дело с упрямыми (или с дурно воспитанными людьми!)» и т. д.;

г) помощи в делах: *Аллагъассви квербакъидбекъа!* – «Пусть Аллах содействует вам!»; *Аллагъассви кумак игъакъа* – «Да будет помощь от Аллаха»; *Аллагъассви бальгояб-тIабигIияб балагъчIо цIинакъа!* – «Да сохранит Аллах от неожиданных-негаданных бед и напастей!»;

д) прощения: *Аллагъ ахб вулIбекъа!* – «Пусть Аллах простит!»; *Аллагъассуб сIсIоб камид бехху^ахъалакъа!* – «Да не лишит Всевышний (нас) своей милости! Да простит (нас) Аллах! Да помилует (нас) Всевышний!»; *Бехъе беххваннадвля гъбб гIурмила сагъльила гудакъа Аллагъассви!* – «Дай Аллах хорошей жизни и здоровья оставшимся! (букв. Сзади оставшимся дай Бог хорошей жизни и здоровья!)»; *Я Рабби мунагъбела чурдала сагъльила гуда чIагъабедвля!* – «Пусть Всевышний простит грехи и даст здоровья живым (остальным членам семьи)» и т. д.

Проведенный анализ проклятий и благопожеланий позволяет сделать вывод, что в чамалинской лингвокультуре образ Бога (как высшая субстанция, регламентирующая жизнь) выполняет различные функции. Он выступает как судья, к которому обращаются угнетенные или испытывающие трудности люди; к нему апеллируют или спрашивают помощи в самых различных житейских ситуациях. Кроме этого, Бог в сознании народа выступает и как карающая, и как прощающая сила – дарящая милости и блага, воздающая по заслугам и охраняющая человека от различных напастей. Всевышний присутствует в текстах благопожеланий и проклятий открыто, явно – как субъект, к которому обращаются за помощью, и незримо, тайно – как невидимый участник речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева З. М. О гендерно-ориентированных благопожеланиях и проклятиях в чамалинском языке // Вестник ИЯЛИ ДНЦ РАН. 2019. № 19. С. 27–30.
2. Алиева З. М. Структурно-семантические типы благопожеланий и проклятий в чамалинском языке // Litera. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29278 (дата обращения: 05.09.2020)
3. Бизикоева Л. С., Дерябина М. Ю. Образ бога в традиционных осетинских благопожеланиях и проклятиях // EDUCATION & SCIENCE – 2016: Материалы Международной научно-практической конференции для работников науки и образования (1 марта 2016 г.). EDUCATION & SCIENCE – 2016: Saint-Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House, 2016. С. 48–50.

4. *Кремшюкалова М. Ч.* Ценностный концепт «бог» в жанровой картине мира благопожеланий и проклятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 110–112.

5. *Магомедсалихов Х. Г.* Благопожелания и проклятия аварцев: социо-коммуникативные функции, типология // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 3. С. 27–35.

6. *Мазанаев Ш. А., Базиева З. М.* Агульский фольклор (от устного народного творчества – к литературе). Махачкала, 2014. 262 с.

7. *Мазанаев Ш. А., Гасанова М. А.* Религиозный и магический коды культуры в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 3. С. 46–53.

8. *Маллалиев Г. Н.* Образ бога в табасаранских благопожеланиях и проклятиях // Литературное обозрение: история и современность. Махачкала, 2016. № 6. С. 22–25.

9. *Маллалиев Г. Н.* Отражение верований табасаранцев в жанре проклятий // Материалы VII Межрегиональной конференции «Проблема жанра в филологии Дагестана». Т. VIII. Сер. Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Махачкала: ДГУ, 2012. С. 352–356.

10. *Раджабова Н. Г.* Структурно-семантический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 21 с.

Поступила в редакцию
11. 09. 2020.

Алиева Зайнаб Магомедовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: alieva_zm@mail.ru

Alieva Zaynab Magomedovna, Candidate of Philology, leading scientific worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: alieva_zm@mail.ru